

Беседа Ивана Конева и Константина Симонова о встрече на Эльбе

Конев: Советские войска продолжали неудержимо продвигаться на запад, откуда навстречу им наступали союзники. Чтобы согласовать действия в борьбе с общим врагом и избежать перемешивания союзных войск командование Красной Армии и командование западных союзников 20 апреля установили знаки и сигналы для опознавания советских и американо-английских войск. 24-го апреля было условлено, что рубежом встречи будет река Эльба. А на следующий день, 25 апреля, в центре Германии произошла историческая встреча на Эльбе двух союзных армий — Красной Армии с американской.

В районе Торгау передовые подразделения 58-й гвардейской стрелковой дивизии 5-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта встретились с патрулями 69-й пехотной дивизии 1-й американской армии. Вскоре советские войска вышли на Эльбу. А в районе Риза войска даже форсировали Эльбу, в частности, войска 5-й армии и 1-й кавалерийский корпус.

Так фронт немецко-фашистских войск был разорван, армии противника, находившиеся в Северной Германии, были отрезаны от войск в Южной Германии. Фронт неприятеля таким образом в центре Германии был рассечен на две части. По случаю этого знаменательного события Москва салютовала войскам 1-го Украинского фронта артиллерийскими залпами, встрече на Эльбе было придано то важное историческое значение, которого она по праву заслуживает.

В последующем начались взаимные встречи командования всех степеней — генералов, офицеров, сержантов, рядовых солдат нашей армии и американской. Все встречи проходили с большим подъемом, с выражением радости победы, торжества боевой дружбы и товарищества.

Незнание языка не являлось препятствием для проявления взаимных дружеских чувств, было сказано много хороших, справедливых слов. Это отражало думы и чувства воинов, прошедших тяжелый путь войны с гитлеровской Германией. Взаимное вручение знамен, орденов, памятных подарков, сувениров, звездочек с погон и так далее и так далее. У всех на лицах неподдельное чувство радости и вера, что завоеванная такой дорогой ценой победа будет закреплена прочным миром.

Офицеры и солдаты в то время высказывали убеждение в том, что длительный мир настанет только тогда, когда великие державы — Америка, Россия, Англия — будут жить в дружбе и союзе. Эти простые солдатские слова, выстраданные в испытаниях войны, звучат сегодня по-человечески убедительно, они понятны миллионам простых людей.

После встречи на Эльбе войск, генералов и офицеров армии Жадова состоялась встреча с генералом Бредли, которая проходила у меня на командном пункте. Наша встреча с генералом Бредли имела весьма дружественный характер и была обставлена с той и с другой стороны торжественно, с полным выполнением воинского ритуала и щедрого, я бы сказал, гостеприимства. Наши речи и разговоры с Бредли главным образом были связаны с радостью победы и оценкой тех огромных усилий, которые были проявлены нашими народами в разгроме фашизма.

Разумеется, мы как командующие войсками выясняли обстановку, сверяли карты с линией соприкосновения наших войск, установленной решением союзной комиссии. Генерала Бредли интересовал вопрос о том, как мы будем брать Прагу и не следует

ли помочь в овладении Прагой американскими войсками. Я категорически отверг предложение Бредли о помощи, заявив, что с успехом справимся с задачей силами советских войск. Разгром группы армий фельдмаршала Шернера будет осуществлен при содействии войск 4-го и 2-го Украинских фронтов, поэтому прошу американские войска дальше к востоку от установленной линии соприкосновения (Хемниц – Карловы Вары – Пльзень) не переходить. Генерал Бредли согласился с этим и заверил, что такая договоренность будет соблюдаться, правда, в последующем на него было оказано давление со стороны Эйзенхауэра и Черчилля с тем, чтобы американские войска продвинулись дальше той линии, которая была установлена соглашением, а затем двигались к Праге.

Симонов: А Бредли?

Конев: А Бредли свои заверения выдержал.

После встречи на Эльбе солдат и офицеров наших войск и американских, 5 мая в 14 часов в 40 километрах северо-восточнее Торгау состоялась моя встреча с командующим 12-й армейской американской группой войск генералом Бредли. С Бредли прибыла большая свита генералов, офицеров, корреспондентов, фоторепортеров и всякого прочего люда, который — мое впечатление на первых порах — и не заслуживал того, чтобы присутствовать на встрече. Но гостеприимство обязывало принимать всех и щедро угощать. Так что все они были, как говорят, сыты, пьяны и нос в табаке. И еще напоследок набрали с собой русской водки.

С нашей стороны присутствовали все члены Военного совета, начальник штаба и командующий 5-й гвардейской армией, как первый встретившийся на Эльбе, генерал-полковник Жадов, командир 34-го гвардейского корпуса генерал-майор Бакланов, также представители центральных фронтовых газет, кинооператоры и фотокорреспонденты.

Разумеется, встреча двух командующих была довольно дружественной. Тем более, что мы не дипломаты, а солдаты. Говорили напрямую и совершенно откровенно, хотя официальные тосты были произнесены как мной, так и им.

Я говорил о пройденном Красной Армией пути и тех трудностях, которые она вынесла в борьбе с немецко-фашистскими войсками, говорил о том, какую роль сыграл американский президент в обеспечении нашей антигитлеровской коалиции, боевого союза. К этому времени президент Рузвельт скончался, поэтому я выразил официальное соболезнование по поводу его безвременной кончины и высказал надежду, что новый президент продолжит дело, за которое боролся Рузвельт. Но, к сожалению, мои пожелания и высказанные надежды не оправдались. Трумэн оказался в этом смысле, в отношении установления дружественных отношений с Советским Союзом, тем президентом, который внес обострение в наши отношения.

Симонов: По-моему, вы отметили также и американскую 12-ю армейскую группу.

Конев: Да, заслуги 12-й американской армии бесспорны.

Следующий тост произнес генерал Бредли. Он отметил мужество и храбрость советских солдат, руководимых маршалом Сталиным, храбрость войск 1-го Украинского фронта, примеру которых следовали американские солдаты, офицеры и генералы. Он также остановился на заслугах Рузвельта и выразил сожаление, что не удалось ему дожить до счастливого Дня Победы. Бредли предложил тост за встречу и за здоровье маршала Сталина.

В дальнейшем тосты провозглашались уже частные, локальные — между штабами, между отдельными командующими, родами войск и видами вооруженных сил. Но все были очень дружественными и свидетельствовали о том, что мы по-настоящему взаимно друг друга уважаем и стремимся к сотрудничеству.

Все последующие формальные разговоры я приводить не буду. Личной беседы с Бредли в этот период у нас не было.

После обеда я пригласил Бредли и его спутников на концерт Ансамбля песни и пляски 1-го Украинского фронта.

Этот ансамбль сопровождал 1-й Украинский фронт на всем его боевом пути. Ансамбль, созданный в Киеве под руководством Лидии Чернышевой, пользовался большой популярностью. В нем было много мастеров и вокального, и танцевального жанра.

Ансамбль исполнил гимн Соединенных Штатов Америки, многие американцы, находившиеся в зале, подпевали, а по окончании бурно аплодировали. Сильное впечатление также произвело исполнение нашего гимна, гости также бурно аплодировали.

Выступление ансамбля пользовалось исключительным успехом у гостей. Особенно восторженно были встречены такие номера, как шуточная американская песенка «Кабачок», английская «Типперери» и красноармейская пляска.

Симонов: Перепляс?

Конев: Да, русский перепляс, а потом украинский гопак. Это было выполнено с блеском и с большим подъемом. Гости аплодировали стоя, всячески выражали одобрение, даже свистели. Известный американский корреспондент, до войны представлявший ряд американских газет в Москве, по окончании концерта заявил: «До сего дня я по-настоящему не понимал русского народа». Многие гости заявляли, что они этот день не забудут никогда и будут долго рассказывать обо всем, что видели здесь, у нас в гостях.

Генерал Бредли сидел рядом со мной. Он интересовался, что это за ансамбль. Я сказал ему, что это наш фронтовой ансамбль, наши солдаты, которые прошли боевой путь, что это не какие-то прибывшие к нам артисты.

Симонов: Прибыли в последний период.

Конев: Да, специально. Бредли, вижу, воспринял это с недоверием. Потому что мастерство артистов было таким высоким, они показали такой высокий класс, что, пожалуй, в то время наш ансамбль по мастерству не уступал ансамблю Игоря Моисеева. И Бредли, чтобы не ударить в грязь лицом, когда я был у него в гостях, пригласил настоящих профессионалов, и, когда я спросил, что это за артисты, он сказал: «Это наши солдаты, просто солдаты». Хотя на сцене стоял Яша Хейфиц — знаменитый, с мировым именем скрипач, которого мы сразу же, как только он начал исполнять первые вещи на скрипке, узнали. Он исполнял произведения классиков. Бредли, видимо, мне хотел отплатить тем же, поскольку я ему сказал, что это наши солдаты.

Хейфица, между прочим, он тоже обрядил в форму солдата. Он в своих воспоминаниях описывает этот эпизод.

Симонов: Большинство же народу-то в ансамбле на самом деле уже прошло по два, по три года войны.

Конев: Да, там действительно были, — особенно мужская группа, — это были просто солдаты, но потом они уже приобрели мастерство благодаря частым выступлениям перед воинами, в любой обстановке, в любых условиях. Ансамбль этот побывал везде — и под огнем, и под бомбежкой, все пережил и все испытал. Так что я правду сказал.

Симонов: Мало покровили душой.

Конев: Да. А вот Бредли решил меня тут надуть.

Бредли поблагодарил за концерт, объявил решение правительства Соединенных Штатов Америки о награждении меня высшим американским орденом и тут же вручил мне этот орден и, как водится в этих случаях, поздравил, обнял, поцеловал.

Присутствующие тоже восприняли это радостно. Они увидели справедливую оценку боевых ратных дел войск, которыми я командовал. Потом, по окончании, мы вышли из этого здания — красивого особняка, и я тут же, при более широкой аудитории, преподнес генералу Бредли от воинов 1-го Украинского фронта красное знамя как символ дружбы. Кто-то мне сказал, что генерал Бредли имеет в виду подарить мне машину «Виллис», которую он привез на самолете из своей Ставки.

Тогда я решил подарить ему свою боевую лошадь. Хороший конь, выездженный, дончак. Подарил ему со всей экипировкой, это был очень необычный подарок.

Бредли, несомненно, был горд и рад этому подарку. После этого он подарил мне легковую машину «Виллис» с надписью: «Командующему 1-й Украинской группы армий от солдат американских войск 12-й группы армий», вручил также американское знамя и американские автоматы.

Через несколько дней у нас состоялась встреча уже в Ставке генерала Бредли. По решению советского правительства я должен был нанести ответный визит и встретиться с генералом Бредли в его Ставке.

До Торгау я направился своими машинами, там меня встретили американский офицер штаба Бредли и переводчик. Сопровождали до Лейпцига. В Лейпциге меня встретил генерал Бредли и предложил полететь на его личном самолете, потому что путь до его Ставки, которая была размещена в Висбадене, был долгим, если ехать на машинах.

Я принял с охотой предложение Бредли, сели мы на самолет Си-47, специально оборудованный, штабной. Самолет сопровождали две эскадрильи боевых истребителей. Причем в воздухе летчики совершали всевозможные эволюции, все время перестраивались, демонстрировали фигуры высшего пилотажа. Потом подвели нас к аэродрому километрах в пяти, а может быть и больше, от Вистбадена, самолет сел, и после этого пошли тоже на низких высотах, на бреющем полете. У меня было впечатление, что они решили продемонстрировать силу и мощь своей авиации, а не просто организовали почетный эскорт.

От аэродрома и до Висбадена мы ехали на машинах: впереди боевые машины, броневые, потом машина с мощными сигналами, потом наша машина с Бредли и с переводчиком, позади нас шли бронетранспортеры и танки. Так что мы ехали в центре эскорта.

На всем пути движения от аэродрома до резиденции, где должна была произойти встреча, был построен Почетный караул, а с некоторым интервалом — для солдат, офицеров и сержантов. Причем построены были представители всех родов войск — пехоты, артиллерии, авиаторы и все другие вспомогательные рода войск.

Когда мы подъехали к зданию, где должна была произойти встреча, там нас уже ждали собравшиеся офицеры штаба Бредли, большое количество корреспондентов разных газет — и американских, и стран, входивших в антигитлеровскую коалицию. Когда я входил в зал, меня встретили с букетами цветов русские девушки, видимо, увезенные в неволю немцами. Красавицы подобраны были исключительные. Вручив мне цветы и расцеловав, они так же внезапно, как появились, быстро исчезли. На мой вопрос, что это за девушки, мне ответили, что это девушки из Люксембурга, хотя они говорили по-русски.

В этом же парадном зале предложили коктейль, который, как заявил Бредли, он сам изготовил, по собственному рецепту. Огромный чан, медный, с черпаком и соответствующей посудой. Это традиция у них такая при встречах американских войск.

Из этого здания Бредли повез меня в другой район, где должен был состояться обед и должен быть выстроен Почетный караул. Причем у них несколько необычный порядок обхода Почетного караула. Бредли меня водил чуть ли не по всем шеренгам, зигзагами.

Когда был представлен Почетный караул, мы обошли строй, я поздоровался, поприветствовал американских солдат и офицеров, а потом я попросил генерала Бредли, чтобы он отдал команду войскам «смирно», и я по поручению советского правительства, Президиума Верховного Совета вручил генералу Бредли орден Суворова I степени.

Симонов: Прямо перед строем Почетного караула?

Конев: Перед строем Почетного караула. Это получилось очень торжественно, генерал воспринял это исключительно хорошо, был взволнован.

После этого было предложено отправиться в другой зал обедать. Причем он сказал, что это его штаб-квартира и тут же его кабинет.

Прежде чем войти в зал, приготовленный для обеда, он пригласил меня в свой оперативный кабинет. В этом кабинете мы рассмотрели с ним на карте положение американских войск, он доложил, какие войска вышли на линию соприкосновения. И тут же между нами возник разговор о том, не следует ли американцам помочь нам в освобождении Праги. Я уже об этом сказал, повторять не буду. Я дал ему соответствующий ответ, а лично сам про себя имел в виду следующее: я в это время уже имел приказ о том, что войска 1-го Украинского фронта в кратчайший срок должны будут освободить Прагу; менялась наша правая разграничительная линия, в Берлине, и несколько южнее войска 1-го Украинского фронта сменяли войска 1-го Белорусского фронта, а мои главные силы — танковые армии, 5-я армия, 3-я армия, артиллерийские части, артиллерия — все двигались от Берлина на юг, причем на самых высоких скоростях.

Симонов: Именно в это время?

Конев: Именно в это время. Причем совершали форсированные марши в ночных условиях. Мне хотелось, чтобы эта перегруппировка прошла совершенно незаметно и в короткие сроки. Как в последующем выяснилось, это удалось вполне.

Симонов: Это, видимо, седьмого было?

Конев: Нет, раньше. Мне кажется, что встреча у меня в штабе была 3-го, а у Бредли — 5-го мая.

Когда я разговаривал с Бредли, я не ссылаясь на то, что я возьму Прагу, а акцентировал мысль о том, что Прагу возьмут другие фронты — 2-й и 4-й Украинские, которые к этому времени были прямо нацелены на Чехословакию и уже вели борьбу, а 1-й Украинский фронт продолжал вести борьбу еще в районе Берлина и под Берлином, и часть войск вышла на Эльбу и соединилась с американцами.

Вообще-то, это была правда, но полностью раскрывать маневр 1-го Украинского фронта перед Бредли не хотелось, это было бы недальновидно. Это могло бы подстегнуть американское командование, потому что они представляли себе, что такое 1-й Украинский фронт, особенно его подвижная ударная группировка танковых армий. А там, в Чехословакии, американцы видели, что перед ними немцы, они вышли уже на линию Пльзень – Карловы Вары – Хемниц.

Симонов: Но боев там не было?

Конев: Боев там никаких особых не было, потому что это уже тылы. Все войска, что стояли против американцев, они уже сдались. Они сдавались по указанию Деница и Кейтеля американцам без сопротивления. И все, что могло быть переброшено на советский фронт, перебрасывалось для борьбы с Красной Армией.

Я бегло посмотрел на карту, и мне стало ясно, что все американские войска находятся на той линии, которая им определена.

Когда сели за стол, как водится, начали с тостов. Первый тост произнес хозяин — генерал Бредли. Причем мы уговорились, что наши тосты не будут записываться на магнитофон. Мне не хотелось, чтобы тост, который будет произнесен экспромтом, пошел в эфир.

Симонов: Корреспонденты были на этом обеде?

Конев: Очень много. Особенно американских.

В основном были произнесены те же тосты — за победу, за нашу дружбу, за разгром армии немецкого рейха. Потом я провозгласил тост за нового президента, никуда не денешься, президент новый, за нашу встречу, за генерала Бредли, за его боевых соратников и друзей, которые там присутствовали.

Разговор во время обеда касался не только военных тем, это были обычные разговоры, которые бывают на официальных дипломатических приемах. Генерала Бредли заинтересовал орден Суворова, он не знал, кто такой Суворов, о том, что это выдающийся русский полководец екатерининских времен. Я охарактеризовал основные боевые дела Суворова и в том числе его действия в Италии против французской армии под командованием Ж.В. Моро. Рассказал о разгроме французов на реке Адда, о преодолении Альп, Чертова моста, в общем, обо всех наиболее ярких исторических событиях. Посоветовал книгу, с которой Бредли может ознакомиться, и она заинтересует его как военного, в ней говорится о походах и сражениях, в которых участвовал Суворов.

Симонов: Это, очевидно, книжка Осипова?

Конев: Нет, Раковского. Завершая разговор, я отметил то, что это орден для нас очень дорогой. «Это полководческий орден, и вы можете носить его, генерал, с гордостью». Еще я добавил, что «маршал Сталин поручил мне вручить этот орден вам лично».

В ходе нашей беседы угощение проходило по европейским обычаям — с лакеями, с подачей блюд последовательно, по всем правилам светского этикета.

Симонов: А обносили не солдаты?

Конев: Нет, лакеи.

Симонов: Немецкие?

Конев: Лакеи и красивые девушки из Люксембурга. Люксембург, оказывается, славится женской красотой. Не знаю, известно ли это вам или нет, но на этом приеме я имел честь наблюдать и узнал об этом из рассказов моего гостеприимного хозяина.

Симонов: Не столько честь, сколько удовольствие.

Конев: Положимся на генерала Бредли, я верю, что все-таки в этом отношении он меня, видимо, не обманул.

Когда мы сидели за столом и бражничали, я, между прочим, пил не особо, тут был еще интересный момент. Когда Бредли ехал ко мне на встречу, зная, что русское гостеприимство является очень щедрым и настойчивым, и приходится пить много водки, а генерал Бредли не пьет, он в летах и прибаловал, и поэтому, когда ему сказали, что русские будут крепко угощать водкой, он, когда ехал ко мне на встречу, выпил растительное масло, чтобы его не особенно развезло.

На такой исторической торжественной встрече не пить нельзя, надо всё-таки как-то пойти навстречу настойчивым просьбам хозяев, а с другой стороны, Бредли боялся, что опьянеет, поэтому выпил растительное масло. И он был горько разочарован, когда я поставил перед ним и перед собой вино и пил только вино. Бредли писал: «Оказывается, маршал Конев не пьет, пьет только вино, так что это масло оказалось выпито зря».

Симонов: Он сам признался, что выпил это масло?

Конев: Да, в своих опубликованных впоследствии воспоминаниях.

Симонов: А там он сказал об этом?

Конев: Нет, там он не сказал, но сказал: «Я вижу, вы, господин маршал, не пьете». Я ответил: да, не пью, потому что болею.

Симонов: Так что про масло вы потом прочли в его воспоминаниях?

Конев: Да.

Закончился прием, было произнесено много дружественных слов. Встреча была, я бы сказал, выходящая за рамки официальной, настолько она была теплой.

На встрече не было генерала Паттона, о котором очень многие вспоминали. А вот командарм 1-й армии, командарм воздушной армии, командиры корпусов, некоторые командиры дивизий были приглашены.

Симонов: А о Паттоне* они вспоминали?

Конев: Вспоминали, как о выдающемся военачальнике американских войск, как о человеке, способном к смелому маневру и использованию действий танковых войск.

Симонов: Он был подчиненным Бредли?

Конев: Он был подчиненным, командовал одной из армий. Эта армия была лучшей. Бредли очень тепло отзывался о нем и другие тоже. Буквально во всех речах вспоминали с сожалением, что не было среди них Паттона. И я не разобрался, откровенно говоря, погиб он к этому времени или нет.

Симонов: Нет, он жив был. Видимо, болен был или что-нибудь такое.

Конев: Он ведь был своеобразный человек. Смело очень разговаривал с Эйзенхауэром и с Бредли.

***Джордж Смит Паттон-младший (1885–1945) — один из главных генералов американского штаба.**

Еще очень интересный момент, я его чуть не упустил, с точки зрения характеристики Эйзенхауэра. Бредли характеризовал Эйзенхауэра больше как дипломата, чем полководца. Он мне говорил, что в ряде случаев его вмешательство было крайне нежелательно, и что в событиях в Арденнах именно Эйзенхауэр поставил американскую армию в очень трудное положение. Он прямо это говорил, что Эйзенхауэр очень часто находился под влиянием и шел на уступки Черчиллю.

Симонов: Бредли к Черчиллю критически относился?

Конев: Бредли к Черчиллю относился критически и в связи с тем, что Эйзенхауэр, по мнению Бредли, в ущерб американской армии шел на уступки Черчиллю и Монтгомери, он по этим соображениям и не одобрял Эйзенхауэра. И он прямо мне говорил: Эйзенхауэр дипломат, улаживает все, а вот в отношении военных дел... Многие источники свидетельствуют, что Эйзенхауэр действительно в то время был очень гибким дипломатом и согласовывал все действия между союзным командованием и союзными правительствами. С другой стороны, видимо, это входило в его обязанности как главнокомандующего.

Из разговоров с Бредли я понял, что вся тяжесть по руководству американскими войсками, действующими в Европе, легла на плечи Бредли, и что в ряде случаев он не был согласен с Эйзенхауэром.

Теперь коротко о самом Бредли. Это военный профессионал, человек уже в возрасте, к тому времени ему было уже лет за шестьдесят или около этого, но еще крепкий, спокойный, способный обстоятельно анализировать события и правильно оценивать, он понимал значение огня на поле боя, ведущую роль танков, авиации. Его очень интересовали наши танки, как они вооружены, какая броня, сила двигателя и тому подобное. Это показатель того, что человек правильно понимал характер современного боя и что в бою является решающим. Бредли был хорошо подготовлен и в вопросах использования других родов войск. Это является признаком высокой квалификации командующего.

Что касается его человеческих качеств, то ощущалась его терпимость к людям. Спокойствие характера. К нему с уважением относились его офицеры и генералы. Так что это воин, военачальник в полном смысле слова, и он достойно представлял американские войска, действующие в Европе.

Симонов: Так что название его записок «Записки солдата» соответствует его облику?

Конев: Да, соответствует, причем название «Записки солдата» показывает, что действительно он солдатскую жизнь знает, и службу солдатскую знает, и лямку солдатскую он уже в роли командующего, что называется, продолжал тянуть честно.

Что еще важно, я убедился, что у него был очень хороший настрой по отношению к нам, к советскому народу и к советским Вооруженным Силам. Он действительно искренне и с большим удовлетворением отмечал успех нашей операции и должным образом оценивал всю ту трудную, тяжелую борьбу, которую вела наша армия с немцами. Он говорил мне прямо, что основную тяжесть войны вынесла Красная Армия. Он, так же как и мы, правильно оценивал противника: враг был сильный и что с этим врагом...

Симонов: ... шутки плохи.

Конев: Уже не только шутки плохи, но что с этим противником надо серьезно воевать, драться упорно, с умением и стойкостью.

Симонов: Так что вы сходились в оценке противника?

Конев: Да, мы в оценках в этом отношении сходились.

Бредли был среднего роста, подтянутый. Что характерно, и на встречу ко мне приехал и встречал меня в Лейпциге в каске. Все время был в каске. Это тоже показательно. Не курил. Не пил, как я уже сказал. Он сам говорит в своей биографии, что он правоверный католик, это не подлежит сомнению, потому что мы и трапезу начали чуть ли не с католической молитвы. По-моему, так это и было: католический священник произнес молитву, а потом мы уже начали трапезу. Традиция у них такая. И в завершение я могу сказать, что мы уговорились с Бредли, что наши с ним тосты не будут транслироваться в эфир, но когда я ехал на машине, возвращаясь к себе на командный пункт, включил радиоприемник в своей машине и, увы, услышал свой голос в эфире — тост, который я произнес на обеде у Бредли.

Симонов: С уговором не писать на магнитофон.

Конев: Да, уговаривались не писать и не передавать, увы, со стороны господина Бредли это обещание не было выполнено.

Симонов: А может, его самого надули.

Конев: Да, может быть, он и сам не знал. Во всяком случае дело было так.

Симонов: У меня один вопрос, Иван Степанович. А в ваших разговорах, помимо Эйзенхауэра, затрагивался вопрос о битве в Арденнах?

Конев: Нет.

Симонов: Не говорилось?

Конев: Нет.

Симонов: Только в связи с Эйзенхауэром?

Конев: Да, только.

Симонов: А вопрос о взаимодействии фронтов не затрагивался?

Конев: Нет, я не ставил и не затрагивал этого вопроса.

Симонов: И он тоже не затронул?

Конев: Тоже. Он только высказал общую жалобу — что Эйзенхауэр дипломат, а вся тяжесть руководства американскими войсками легла на Бредли.